

A man and a woman with large, feathered angel wings are sitting on a large, fluffy white cloud. The woman, on the left, has long blonde hair and is wearing a white jumpsuit. The man, on the right, has dark hair and is wearing a dark suit. They are both looking down and to the left. The background is a night sky with a full moon and many stars. Below the cloud, a city skyline is visible at night, featuring a river, a bridge, and several illuminated buildings, including a prominent red brick tower with a green spire.

ВЕРА ВОНГ

**АНГЕЛЫ
НЕ ПЛАТЯТ ИПОТЕКУ**

Вера Вонг

АНГЕЛЫ НЕ ПЛАТЯТ ИПОТЕКУ

«Автор»

2026

Вонг В.

АНГЕЛЫ НЕ ПЛАТЯТ ИПОТЕКУ / В. Вонг — «Автор», 2026

Говорят, лунные ангелы холодны как космос. Альфар был идеальным князем — воплощением интуиции, печали и синего камня содалита. Пока не сбежал на Землю ради возможности... просто помыть посуду. Или хотя бы попытаться её не сжечь. В Москве его ждет суровая реальность: работа менеджером среднего звена, соседи с дрелью и встреча с Розой Габдулиной — девушкой, которая пахнет ванилью, носит леопардовые лосины и единственная во всей столице не боится смотреть в глаза существу, способному уничтожить галактику. Она видит перед собой лишь странного парня с нездоровой синевой лица и отличным чувством юмора. С другой стороны баррикад — демон Зирар и религиозная отличница Эльза. Их союз логичен так же, как снег в июле, но запретный плод сладок, особенно если у плода есть рога и он умеет делать отличный массаж ступней. Осторожно: содержит сцены бюрократического насилия, жаркие поцелуи на крыше панельной девятиэтажки и попытку приготовить ужин в промышленных масштабах.

© Вонг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Скука в царстве ангелов	5
Глава 2. Первые шаги на Земле	13
Глава 3. Работа как испытание	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вера Вонг

АНГЕЛЫ НЕ ПЛАТЯТ ИПОТЕКУ

Глава 1. Скука в царстве ангелов

Синий — это не цвет. Это состояние, в котором тонет сознание, если оно слишком долго лишено возможности дышать пылью и выхлопными газами.

Я сижу на краю Млечного Пути, болтая ногами над Великим Ничто. Под подошвами моих идеально белых туфель проплывают туманности Андромеды, слева лениво переворачивается во сне созвездие Гончих Псов, а справа дежурный архангел Михаил со вздохом пересчитывает падающие звезды, сбрасывая их в канцелярскую корзину для мусора. От него пахнет озоном, строгим уставом и застарелым валидолом. Валидол ему прописали еще при Иоанне Грозном, когда тот начал слишком нервно реагировать на опричнину, но Михаил так и не приоткрылся к таблеткам. Архангелы вообще плохо усваивают земную фармакологию.

Меня зовут Альфар. В небесной табели о рангах я значусь как Князь Меланхолии и Интуиции. Звучит пафосно, пока не узнаешь, что под моим началом ровно три младших духа рефлексии и один стажер по имени Гоша, который вечно роняет астральные проекции прямо в суп смертным. Мой камень — содалит. Глубокий, сине-фиолетовый, похожий на кусок застывшей ночной грозы. Им инкрустирована моя диадема, которая давит на лоб уже третью вечность подряд. Мой цвет — индиго, переходящий в глухую предрассветную синеву. Я лунный ангел. Не путать с солнечными. Те носят золотые латы, громко смеются басом и лечат экзему одним взглядом. Мы же... мы существуем на периферии. Мы — те самые мурашки, которые бегут по спине перед плохим сном. Мы — внезапное желание позвонить матери среди белого дня. Мы — интуиция, от которой женщины плачут в ванной, потому что она никогда не ошибается, но ей никто не верит.

И мне невыносимо скучно.

В мире духов нет времени, поэтому скука здесь имеет другую плотность. Она вязкая, как старый кисель. Здесь всё стерильно. Идеальная геометрия облаков, выверенная до микрона температура любви (ровно тридцать шесть и шесть градусов душевного тепла), отсутствие сквозняков из преисподней после того, как Люцифер установил на границе шумоизоляцию. У нас тут даже пыли нет. А я хочу чихнуть. Хочу почувствовать, как щекочет в носу от запаха мокрого асфальта или дешевых духов соседки. Хочу ощутить вкус пережаренного кофе.

— Опять транслируешь вселенскую скорбь? — голос раздался откуда-то снизу, из-под края галактики.

Я свесил голову. Там, зацепившись когтистой лапой за край реальности, висел Зирар. Мой лучший друг. Мелкий демон седьмого круга ада, специалист по логистике просроченных душ и мелкому бытовому вредительству. Выглядел он соответствующе: ростом мне по колено, весь покрыт короткой антрацитовый шерстью, уши у него были похожи на два остроконечных блина, которые забыли снять со сковородки, а изо рта торчал раздвоенный язык, которым он сейчас задумчиво чистил пространство между клыками. От Зирара пахло серой,

дешевым табаком «Прима» (хотя сам он не курил, просто впитывал запахи своего отдела) и легким разочарованием в мироустройстве.

— Транслирую, — согласился я, возвращаясь в вертикальное положение. Мои крылья цвета сумеречного неба уныло волочились по космической пыли. — Знаешь, сколько сегодня было заявок на женскую интуицию?

— Миллиард? — предположил Зирар, подтягиваясь на задних лапах.

— Сто сорок две тысячи триста восемьдесят семь, — монотонно ответил я. — И все одинаковые. «Кажется, он мне изменяет». Из них сто сорок тысяч подтвердились. Остальные плакали из-за ПМС. Скучно, Зир. Они перестали удивлять. Женская интуиция стала алгоритмом. Если мужчина задерживается на двадцать минут и от него пахнет чужими духами — она права. Где полет фантазии? Где иррациональный ужас перед тем, что муж просто пошел за хлебом и его похитили рептилоиды?

Зирар фыркнул, выпустив облачко дыма, которое тут же рассеялось вакуумом.

— Рептилоидов аннулировали в прошлом квартале, Альфар. Комитет по этике решил, что они нарушают авторские права ящериц с планеты NGC-45678. Теперь вместо них работают сертифицированные иллюминаты, но им срезали бюджет на тайные знаки, поэтому они клеят объявления на подъездах. Тоже скука.

Он спрыгнул ко мне на облако. Облако недовольно скрипнуло и попыталось принять форму офисного кресла. Демоны тяжелее, чем кажутся. Плотность грехов дает о себе знать.

— Ты выглядишь как недопитый стакан дождевой воды, — констатировал Зирар, бесцеремонно тыкая меня пальцем в грудь. Его коготь был теплым. — Что случилось с князем Меланхолии? Куда делся твой фирменный декаданс?

— Он утонул в рутине, — я щелкнул пальцами. Перед нами материализовалась голограмма отчета. — Посмотри. Утренняя хандра населения центральной России упала на четыре процента. Люди начали радоваться понедельникам! Радоваться, Зир! Потому что там ипотека под льготный процент. Как можно тосковать по миру, где понедельник стал праздником?

Демон почесал за ухом-облачком.

— Ну, положим, ипотечники страдают. Просто их страдания теперь юридически оформлены. График платежей — отличный инструмент для смирения гордыни. Но я тебя понял. Тебе надоело быть эфирным. Тебе хочется материи.

Именно так. Мне хотелось веса. Хотелось чувствовать гравитацию, которая тянет кишки к земле после плотного обеда. Хотелось носить неудобную обувь, которая натирает мозоли. Хотелось простудиться. Да-да, банально температурить, пить чай с липой и смотреть в окно на серый двор. В Царствии Небесном нет окон. Есть панорамные виды на бесконечность, от которых через пять минут начинает кружиться голова и возникает непреодолимое желание поклеить обои.

— Я подал прошение об отпуске, — тихо сказал я.

Зирар замер. Его хвост, украшенный кисточкой, перестал метаться из стороны в сторону. В глазах-бусинках мелькнул первобытный, почти животный интерес.

— На курорт? К этим, с крылышками пониже? На третий уровень, где делают массаж ауры?

— Ниже, — выдохнул я. — Нижний предел. Земля. Статус туриста. Хочу пожить в теле смертного. Лет десять-пятнадцать по их исчислению. Без магии, без левитации, без чтения мыслей. Только почки, печень, налоги и метро в час пик.

Демон присвистнул. Свист получился гулким, словно ветер в печной трубе старого барака.

— Альфар, дружище. Нас распнут. Или сдадут в психушку. Или заставят платить алименты. Земная бюрократия страшнее Апокалипсиса, уж поверь моему отделу логистики. Чтобы получить вид на жительство в Москве, нужно собрать девять кругов справок. А чтобы устроиться на работу без ИНН...

— Я знаю, — перебил я. — Поэтому нам нужен гид. Тот, кто знает лазейки. Кто понимает человеческую глупость изнутри.

Зирар оскалился. Остроконечные зубы блеснули в свете умирающей сверхновой.

— То есть, тебе нужна крыша. Связи в демоническом профсоюзе мигрантов? Альфар, это стоит дорого. Моя душа, конечно, принадлежит Адской Канцелярии, но тело временами хочет премиальных. Чем платить будешь? Своей долей в распределении светлой грусти?

— Я отдам тебе свои запасы нефрита, — серьезно предложил я. — Целый сундук. Тот самый, конфискованный у жрецов майя.

Глаза демона масляно заблестили. Нефрит считался у низших сил твердой валютой. Из него делали отличные пепельницы, которые невозможно прожечь сигаретой, и дверные косяки, о которые праведники постоянно отбивали колени.

— Сундук... — протянул Зирар, сглатывая слюну. — Настоящий? Зеленый? Колючий?

— Самый настоящий. Плюс научу делать такое чувство вины, от которого начальство само выписывает премию.

Зирар задумчиво поскреб шерсть на животе.

— Ладно. Уговорил. Москва так Москва. Я там лет триста назад одну купчиху обманул, задолжал ей пару пудов соли, заодно узнал рынок аренды. Но учти, князь. Жить будем скромно. Никакого сияния нимба в темноте. Никаких превращений тараканов в бабочек ради развлечения. Тараканы — священные животные коммунальных служб, пусть живут. Идем по документам как двоюродные братья-азербайджанцы. Я буду Заур, ты — Альберт. Работаем официально. Платим налоги. Иначе участковый Фрол Карпыч сделает нам такую порчу, что никакое бессмертие не поможет.

Участковый Фрол Карпыч был местной легендой даже в наших архивах. Говорят, в девяностые он отказался брать взятку от самого Самаэля, заявив, что берет только борзыми щенками, а у князя тьмы была лишь родословная лабрадора. Участковый тогда составил протокол на Всевышнего за нарушение тишины во время Сотворения Мира. Протокол, кстати, до сих пор лежит в сейфе.

— Согласен, — кивнул я. — Полная ассимиляция. Работа, съемная квартира в Бирюлево, гастрит от доширака.

— Вот это деловой разговор, — просиял Зирар. — Когда стартуем?

— Сейчас, — я поднялся на ноги. Белые одежды вдруг показались мне нелепыми театральными костюмами. — Надоело быть функцией. Хочу быть человеком. Хотя бы попытаться.

Спуск занял меньше секунды. Для стороннего наблюдателя это выглядело бы как падение метеорита, но внутри процесса это напоминало езду в старой советской стиральной машине «Малютка», которую бросили с пятого этажа. Воздух уплотнился, превратившись сначала в воду, потом в густой кисель, а затем ударил по барабанным перепонкам ревом сирен и запахом раскаленного железа.

Мы врезались в крышу девятиэтажки в спальном районе Москвы. Августовская ночь встретила нас прохладой, вонью мусорных баков внизу и оглушительным карканьем воронья, которому совершенно плевать на статус Князя Меланхолии.

Я лежал на грязном рубероиде, чувствуя спиной каждую трещинку. Больно. Господи, как же восхитительно больно. Обычное физическое давление массы тела на твердую поверхность казалось мне божественным откровением.

Рядом тяжело дышал Зирар. Шерсть на нем дымилась.

— Кажется, мой хвост слегка сплавился с вентиляционной шахтой, — прохрипел он. — И да, поздравляю. Твоя хваленая интуиция промолчала, когда мы выбирали точку приземления. Прямо на гнездо этих пернатых дьяволов.

Надо мной закружилась ворона. Она посмотрела на мою идеальную античную фигуру, на мои синие глаза, полные мировой скорби, наклонила голову, а затем нагадила мне точно на переносицу.

Я моргнул. Теплая капля медленно поползла по коже. Солоноватая. Мерзкая.

И впервые за последние несколько тысячелетий я улыбнулся. По-настоящему, широко, растягивая уголки губ до боли в скулах.

Это было несовершенно. Это было отвратительно. Это было по-настоящему.

— Добро пожаловать домой, брат, — прохрипел снизу Зирар, пытаясь оторвать хвост от горячего битума. — Запоминай этот момент. Первый акт творения новой жизни начинается с птичьего помета. Дальше будет только веселее. Главное, не забудь завтра зайти в МФЦ. Приемные часы до шести, а очередь занимают с четырех утра.

Я сел, размазав подарок птицы по лицу, и посмотрел на огни огромного, рычащего, дышащего смогом города. Где-то там, внизу, спали миллионы людей. Каждый со своей уникальной, неповторимой, абсолютно алогичной болью и радостью. Моей задачей больше не было утешать их свыше. Моей задачей становилось стать одним из них.

Интуиция молчала. Впервые в жизни я понятия не имел, что ждет меня за следующим поворотом. И эта неизвестность пьянила лучше нектара амброзии.

— Пошли искать квартиру, Заур, — сказал я, поднимаясь на дрожащие от непривычной гравитации ноги. — Надеюсь, у них тут принимают оплату нефритом хотя бы за первый месяц.

Утро началось не с благодатного света. Оно началось с звука дрели.

Дрель визжала на одной пронзительной ноте прямо над нашим левым ухом, пробивая бетонную стену с энтузиазмом маньяка, дорвавшегося до свежего мяса. В Царствии Небесном звукоизоляция идеальна. Здесь же вибрация проходила сквозь матрас, позвоночник и впивалась прямо в мозг, вытесняя оттуда остатки аристократической меланхолии.

— Суббота, — простонал я в подушку. — Почему в день покоя Господня они сверлят стены?

— Потому что Господь забыл включить пункт о ремонте в свой Завет, — отозвался с кухни Зирар. Судя по звуку, он пытался вскрыть консервную банку с тушенкой серебряным кинжалом, который раньше служил для изгнания мелких бесов похоти. Кинжал жалобно скрежетал. — Вставай, князь. Трусы сами себя не стирают. У нас смена ментальности. Сегодня идем на собеседование.

Я спустил ноги на линолеум. Он был холодным, бугристым и местами отходил от пола, образуя ловушки для больших пальцев. Наш новый дом встретил нас всеми оттенками бежевого отчаяния. Комната в трешке на окраине Капотни, снятая через десятые руки какого-то дальнего родственника троюродной сестры жены племянника Зирара. Хозяева квартиры уехали на заработки в Магадан, оставив после себя запах кошачьей мочи, древний телевизор «Рубин» и сервант, полный пыльных хрустальных бокалов, которыми явно никогда не пользовались для радости, а хранили «для гостей».

— Как прошла разведка? — спросил я, натягивая единственные джинсы, которые мы смогли купить вчера на вещевом рынке. Джинсы оказались малы на три размера, жесткими, как картон, и имели странный кислотно-синий оттенок, резавший глаза. Моя кожа, привыкшая к шелку облаков, покрылась красными пятнами зуда.

— Печально, — Зирар вошел в комнату, держа двумя когтистыми пальцами дымящуюся банку. Открыть ее он так и не смог, зато разогрел зажигалкой, отчего тушенка приобрела текстуру вулканической лавы. — Собеседование в офисе класса «Б минус». Требуется менеджер среднего звена. Обязанности: перекладывать бумажки из лотка «Входящие» в лоток «Исходящие», ненавидеть жизнь и улыбаться клиентам. Зарплата — прожиточный минимум плюс премия, которую выплачивают сушеными кальмарами. Конкуренция — двенадцать человек на место. Среди конкурентов трое бывших топ-менеджеров Газпрома, одна женщина с тремя высшими образованиями и один йог, который готов работать за еду и возможность медитировать на кулере.

— Йоги чувствуют тонкие вибрации, — задумчиво произнес я. — У него преимущество. Нам нужно что-то более... приземленное. Что-то, где ценится не профессионализм, а абсолютная пустота в глазах.

— Поздравляю, ты идеальный кандидат, — усмехнулся Зирар, наконец-то вспарывая банку ножом для масла. — У тебя такая мировая скорбь на лице, что кадровики будут кончать от одного твоего резюме. Одевайся. Галстук повязывать умеешь?

Галстук оказался пыткой похлеще дыбы. Узкий кусок синтетической ткани душил меня, сжимая кадык каждый раз, когда я пытался сделать вдох. Синяя полоска на нем шла вкривь и вкось, нарушая законы симметрии.

— Зачем эта петля? — прохрипел я, пытаюсь ослабить узел. — Она же перекрывает приток крови к голове. Как они генерируют идеи?

— Они их не генерируют, — Зирар затянул узел еще туже, видимо, решив, что так выглядит «дорого-богато». — Они их ретранслируют сверху вниз. Идеи спускаются от генерального директора, проходят через удавку менеджера среднего звена, теряют всякий смысл и доходят до курьеров в виде приказа «сделайте вчера». Это называется корпоративной культурой. Кстати, о культуре. Твой синий цвет кожи проходит?

Я взглянул на руки. Лунная сущность сопротивлялась плотной органике. Обычно ангелы невидимы для людей, мы проходим сквозь них, как радиоволны. Но мы решили воплотиться полностью. Процесс адаптации проходил болезненно. Первые сутки наша кожа имела легкое фосфорическое свечение, а радужка глаз переливалась всеми оттенками космоса. Пришлось использовать дешевые китайские солнцезащитные очки и толстый слой тонального крема, который Зирар стащил у продавщицы в переходе. Сейчас лицо все еще отдавало легкой трупной синевой, особенно в районе скул.

— Пройдет, — соврал я. — Сказал HR-менеджерам, что это редкое кожное заболевание от стресса. Вызвали сочувствие. Дали анкету.

Собеседование проходило в бизнес-центре, построенном на месте бывшего болота. Само здание гудело, как растревоженный улей, пахло озонатором и чужим отчаянием. Мы поднялись на шестнадцатый этаж в лифте, где зеркало было исписано маркерами предложениями интимного характера и курсами доллара.

Офис компании «ТрансЛогист-Север-Юг» представлял собой аквариум, разделенный пластиковыми перегородками. Десяток столов, заваленных папками. Гудение компьютеров. Щелканье мышек. Люди сидели, сторбившись, похожие на вопросительные знаки, раздавленные тяжестью бытия. Никто не смотрел друг другу в глаза.

Начальник отдела, Станислав Игоревич, существо неопределенного возраста с лицом цвета вареной свеклы, окинул меня мутным взглядом поверх очков.

— Так, Альберт Азерович... Опыт работы?

— Эм-м... — я попытался вспомнить структуру управления Вселенной. — Руководил отделом распределения интуитивных прозрений. Штат — около семи миллиардов единиц.

Станислав Игоревич нахмурился. Его брови сошлись на переносице, образовав сплошную волосяную линию.

— Это консалтинг? Тренинги личностного роста? Эйчар-бренд?

— Скорее, стратегическое планирование эмоционального фона, — выкрутился я.

— Понятно, — кивнул начальник, хотя ничего понятно не было. В его ауре клубилась густая, фиолетовая усталость и стойкое желание выпить. — Значит так, Альберт. У нас тут текучка. Сидоров ушел в запой, Петров уволился, потому что принтер съел его палец. Работы много. Очень много. Нужно обзванивать базу мертвых клиентов... то есть, извините, дебиторскую задолженность. Будете сидеть вот тут.

Он указал на стол у окна. Вернее, на то, что должно было быть окном. Вид загораживала глухая стена соседнего корпуса, находящаяся в трех метрах. Идеальный тюремный пейзаж.

— Оклад тридцать тысяч рублей, — продолжил Станислав Игоревич. — Оформление по ТК РФ. Больничные не оплачиваются, считается, что здоровый дух в здоровом теле. Если

заболели — значит, дух нездоров, увольняйтесь. Переработки приветствуются, оплачиваются устной благодарностью. Вопросы?

Моя интуиция кричала благим матом. Каждая клетка моего нового, хрупкого, уязвимого тела вопила, что бежать отсюда нужно быстрее, чем архангел Гавриил от налоговой проверки. Это место было черной дырой, поглощающей надежду.

Но именно этого я и хотел. Я пришел сюда за глубиной восприятия. И глубина разверзлась передо мной, черная, смоляная, пахнувшая перегаром и несбывшимися мечтами.

— Нет вопросов, — ровным голосом ответил я. — Когда выходить?

— Вчера, — буркнул начальник и потерял ко мне всякий интерес, вернувшись к игре в «Косынку» на мониторе.

Когда мы вышли из офиса, солнце слепило глаза. Я снял очки. Зирар стоял рядом, жуя хот-дог, купленный у ларька. Сосиска была подозрительного серого цвета, а булочка напоминала прессованный картон.

— Ну как? — спросил демон, вытирая рот рукавом дорогого пиджака, который сидел на нем мешком. — Почувствовал глубину?

— Я почувствовал дно, — признался я. — Станислав Игоревич несчастлив. Его жена ушла к инструктору по йоге, дочь считает его неудачником, а единственный источник эндорфинов — это третья рюмка коньяка в пятницу вечером. Но он держится. Ради ипотеки. Я могу читать его мысли, Зир. Я вижу узлы страха в его печени. И самое страшное... мне его жалко. Раньше я бы просто послал ему луч духовного просветления. А сейчас я хочу купить ему нормальный стул. У него остеохондроз.

Зирар подавился хот-догом и закашлялся.

— Осторожнее, князь. Еще пара таких приступов эмпатии, и тебя канонизируют прямо на парковке бизнес-центра. Купишь ему стул — придется скидываться всем отделом на микро-волновку. Потом на похороны тетушки бухгалтерши. Это бездна, Альфар. Серые будни затягивают сильнее, чем круги Ада.

— Возможно, — я смотрел на поток машин. Рев двигателей заменял мне музыку сфер. — Но знаешь, что я заметил? Девушка на ресепшене. Та, что улыбалась нам фальшивой улыбкой. У нее под столом спрятаны зарисовки платьев. Потрясающие эскизы. Она мечтает уехать в Милан. Ее интуиция подсказывает ей, что этот офис убьет ее талант, но страх голода держит крепче цепей. Она живая, Зир. По-настоящему живая.

— Радуйся молча, — посоветовал демон. — И иди переодеваться. Вечером у нас второе свидание. Эльза Тиунова пригласила тебя на выставку современного искусства.

Я застонал. Современное искусство смертных обычно представляло собой кучу мусора, вокруг которой ходили люди в черном и глубокомысленно кивали. Но отказаться я не мог.

Эльза была другой. В отличие от моей коллеги-продавщицы Розы, которая излучала хаос и веселье, Эльза была структурой. Менеджер среднего звена, белая блузка, пучок на затылке, взгляд прокурора. Она верила в Бога, соблюдала посты и считала, что любая депрессия лечится молитвой и посещением кабинета начальника. При этом в ней жила такая задавленная, сжатая

пружиной тоска, что моя внутренняя аппаратура сходилась с ума. Она была идеальным отражением меня самого — пленница порядка, жаждущая хаоса.

— Надо купить цветы, — сказал я.

— Какие цветы? — фыркнул Зирар. — У нее аллергия на лилии, розы она считает пошлостью, а ромашки — признаком деревенщины. Купи ей сертификат в магазин ортопедических матрасов. Она оценит практичность.

Мы побрели к метро. Спускаясь по эскалатору в подземелье, освещенное мертвенным люминесцентным светом, я чувствовал, как меняется мое восприятие. Раньше я видел души. Светящиеся коконы разной степени чистоты. Теперь я видел потертости на воротниках пальто, усталые глаза студентов, читающих учебники физики на ходу, слышал шуршание жетонов турникетов и ощущал запах сырости.

Мир смертных был грубым, несправедливым, больным и невероятно прекрасным в своем несовершенстве. Каждое утро для них было маленькой победой над ночью. Каждый глоток растворимого кофе — актом веры в лучшее.

Я приложил ладонь к стеклу вагона. Холодное. Твердое. Реальное.

— Зирар, — позвал я друга, который пытался уступить место беременной женщине, но сделал это так неуклюже, что чуть не сбил с ног старушку. — Как думаешь, мы сможем здесь выжить?

Демон плюхнулся на свободное сиденье, победно глядя на окружающих.

— Выжить? Альфар, мы выживали в котлах с кипящей смолой, уворачивались от мечей серафимов и торговались с Левиафаном за душу последнего атеиста. Метро в час пик — это просто легкая прогулка. Проблема не в том, выживем ли мы. Проблема в том, кем мы станем, когда закончится наш отпуск. Станем ли мы снова небожителями или... попросим политического убежища?

Поезд вылетел из туннеля на мост. Мелькнула Москва-река, свинцовая и равнодушная. Впереди вырастали стеклянные башни Сити, царапающие брюхо низким облакам.

Я не знал ответа. Моя интуиция, всегда бывшая безупречным компасом, впервые дала сбой. Она молчала, оставляя меня наедине с этой огромной, шумной, пахнущей бензином и свободой жизнью.

И это молчание было самым сладким звуком, который я когда-либо слышал.

Глава 2. Первые шаги на Земле

Считается, что падение ангела — это величественная трагедия. Черные крылья разрывают облака, в глазах застывает вечная ночь, а ветер скорби поет реквием по утраченной благодати. Авторы священных текстов и бульварных романов нагло лгут ради драматического эффекта. Настоящее падение выглядит как попытка договориться с риелтором Мариной из агентства «Золотой Ключ Плюс» о просмотре квартиры-студии площадью двенадцать квадратных метров в районе Капотни.

Мы стояли у подъезда панельной девятиэтажки цвета застарелой детской неожиданности. Зирар нервно переминался с лапы на лапу, втягивая носом специфический аромат местной атмосферы: смесь подгоревшего лука, кошачьих меток и легкой нотки безнадежности. Я же пытался сохранить остатки княжеского достоинства, пока Марина, женщина неопределенного возраста с химической завивкой, похожей на шлем космонавта, изучала наши документы.

— Значит, Альберт Азерович и Заур Рустамович? — она прищурила один глаз, отчего ее лицо стало напоминать сморщенную курагу. — Братья?

— Двоюродные, — пискнул Зирар, пытаясь спрятать хвост, который от волнения начал дымиться серным облачком.

Химическая завивка Марины опасно затрещала статическим электричеством.

— По материнской линии, — ровным голосом добавил я, мысленно посылая в ауру риелтора импульс абсолютного доверия. Это базовая настройка любого лунного ангела. Мы не просим, мы просто настраиваем частоту собеседника так, чтобы он сам захотел отдать нам ключи, душу и последние деньги.

Марина моргнула. Треск прекратился.

— Ну... ладно, — неуверенно протянула она. — Только учтите, мальчики. Хозяева строгие. Узбеки-гастарбайтеры, работают на стройке путепровода. Сказали: никаких женщин, никакого алкоголя, никакой магии крови. И главное — платить вовремя. У них ипотека в Самарканде.

— Мы вегетарианцы, — быстро вставил я. — И ведем крайне асексуальный образ жизни. В смысле, погружены в работу.

— Ага, — хмыкнула Марина, доставая связку ключей. — Видела я таких вегетарианцев. Прошлый жилец тоже был духовный искатель, а потом оказалось, что он варил в ванной метаксхм, выращивал орхидеи без лицензии. Так, смотрите. Санузел совмещенный. Бойлер греет через раз, но если его стукнуть кулаком вот сюда, над сливным бачком, то работает почти стабильно. Главное — бить именно правой рукой, левой там провод оголенный, шарахнет так, что волосы дыбом встанут. Проверено.

Я содрогнулся. Мысль о том, что миллионы вольт пройдут сквозь мое новое, хрупкое тело, была одновременно ужасающей и невыносимо притягательной. Ощущения. Вот чего мне не хватало в эмпиреях. Там нет коротких замыканий.

Квартира встретила нас гулким эхом пустоты и запахом хлорки. Линолеум вздулся волнами, словно штормовое море. На стене висел календарь за две тысячи восьмой год с изображением котенка, висящего на бельевой веревке. Подпись гласила: «Держись! Пятница близко».

— Окна во двор-колодец, — бодро рапортовала Марина. — Солнца не бывает никогда, зато летом можно охлаждать пиво на подоконнике, соседи сверху вечно роняют лед из морозилок. Плита газовая, советская. Чтобы включить дальнюю конфорку, нужно сначала попросить прощения у домового. Он тут злой, зовут Василий, бывший прораб. Если забудете сказать «Васенька, благослови», спалит сковородку вместе с яичницей.

— Мы атеисты, — ляпнул Зирар, за что тут же получил мой локтем под ребра. Ребра демона оказались неожиданно твердыми и холодными.

— Оно и видно, — вздохнула риелтор. — Ладно, договор стандартный. Комиссия сто процентов. Оплата первого месяца плюс залог. Наличными. Зелени принесете?

Зирар радостно оскалился, собираясь продемонстрировать ей пучок укропа, который успел где-то спереть на рынке, но я снова вмешался. Лунная интуиция подсказывала: земное слово «зелень» имеет отношение к бумажным прямоугольникам с портретами мертвых президентов или города Ярославля. Бумажных денег у нас не было. Был сундук нефрита, были слитки звездной пыли, но они почему-то категорически отказывались влезать в прорезь платежного терминала.

— У нас временная задержка транзакции из-за рубежа, — нашелся я. — Валютный контроль. Сингапурский банк.

— Понятно, — лицо Марины приобрело выражение вселенской скорби, точь-в-точь как у меня самого тысячами лет ранее. — Скидка для родственников гастарбайтеров. Пятьдесят баксов скиньте — и по рукам. Иначе сдаю семье таджиков с пятью детьми. Они хотя бы умеют чинить унитаз молитвами.

В итоге квартиру мы сняли. Расплатились тем самым куском содалита, который служил мне набалдашником для посоха. Камень идеально лег в пухлую ладонь Марины. Она посмотрела на переливы сине-фиолетовых глубин внутри минерала, икнула и сказала:

— Красиво. Как опал. Дедушка говорил, такие камни приносят несчастье и открывают третий глаз. Ладно, засчитаем как оплату за два месяца вперед. Но кота завести можете только тайно. Василий чует животных за версту.

Когда дверь за ней закрылась, мы остались посреди комнаты в звенящей тишине.

— Поздравляю, князь, — выдохнул Зирар, сбрасывая с плеча рюкзак, набитый вещами первой необходимости (три упаковки доширака, дешевый шампунь с экстрактом лопуха и бейсбольная бита «для защиты ауры»). — Мы официально бомжи с пропиской. Добро пожаловать в средний класс.

Адаптация к быту оказалась сложнее, чем переход между измерениями. В мире духов еда существует в виде чистой энергии. Ты хочешь есть — ты поглощаешь фотоны радости. Здесь же требовалось совершить цепочку чудовищно сложных физических манипуляций.

Первым пал холодильник. Древний «ЗИЛ», гудящий так, будто внутри пытали души коммунистов.

— Зачем ему рычать? — спрашивал я, сидя на корточках перед открытой дверцей. Внутри лежало яблоко. Обычное красное яблоко. Оно занимало половину полки и пахло смертью. — Почему оно твердое? В Эдеме фрукты сами падали в рот, мягкие и теплые.

— Это называется «Гренни Смит», — мрачно ответил Зирар. Он стоял у плиты, сжимая в когтистой лапе инструкцию к чайнику. Инструкция была написана мелким шрифтом на трех языках, включая китайский, и содержала четырнадцать пунктов техники безопасности. —

Бабушка Смит ненавидит человечество, поэтому ее яблоки кислые и хрустят, как пенопласт. Их надо запихивать в микроволновку, чтобы стали мягкими. Наверное.

Микроволновка стала нашим главным врагом. Этот белый пластиковый ящик с кнопками излучал первобытный ужас. Зирар утверждал, что это портал в измерение, где время течет вспять, потому что инструкция обещала «разморозить мясо за пять минут», но превращала его в кусок раскаленного камня снаружи и глыбу льда внутри.

Моя первая самостоятельная попытка приготовить ужин закончилась катастрофой. Решив порадовать себя земной пищей, я выбрал макароны. Процесс закипания воды вызвал у меня приступ экзистенциального ужаса. Вода пузырилась, издавала булькающие звуки и пыталась выплеснуться наружу, нарушая границы кастрюли. Когда я засыпал туда спиральки, они начали слипаться в единый монолит, похожий на бетонную сваю.

— Альфар, — позвал из коридора Зирар. Его голос звучал приглушенно, потому что он пытался завязать шнурки на человеческих кроссовках. Узлы давались ему плохо, копыта мешали гибкости пальцев. — Что горит?

— Физика, — прохрипел я, пытаясь отковырять половник от дна кастрюли. — Макароны обрели коллективное сознание и пытаются захватить мою кухню. Помогите!

Но помощь пришла не оттуда. В стену забарабанили. Соседи. Тот самый невидимый, но очень громкий сосед сверху, чей потолок украшала трещина в форме карты России.

— Выключите воду, черти! — прогремело перекрытие. — Заливаете! Я сейчас участкового вызову! Фрол Карпыч вам покажет астральную проекцию!

Паника — отличное средство обучения. Не знаю, как, но я выключил газ, схватил кастрюлю двумя полотенцами (которые немедленно пропитались горячей водой) и вылил содержимое в раковину. Монолит макарон с глухим стуком упал в сток и намертво его забил. Из раковины начало подниматься мутное озеро.

— Зирар, канализация отвергает дары земли! — воскликнул я.

Демон бросил кроссовки и ринулся ко мне. Оценив масштаб бедствия, он не стал использовать магию хаоса. Вместо этого он сунул свою рогатую голову прямо в грязную воду, фыркнул и со всей силы дунул. Поток адского пламени толщиной с палец ударил в засор. Раздалось шипение, запахло паленым тестом и сероводородом. Вода с ревом ушла вниз, оставив после себя лишь почерневшие останки моих кулинарных амбиций.

— Готово, — Зирар вылез из раковины, отплеываясь мыльной пеной. На кончике его носа осталась прилипшая макаронина. — Знаешь, князь, в Аду готовить проще. Там выдают готовые души уже прожаренными до степени well-done. Никаких тебе рецептов.

Выход в город был назначен на утро понедельника. Нам предстояло добраться до мест работы. Мне — в офис компании «ТрансЛогист-Север-Юг», расположенный в стеклянном гробу бизнес-центра. Зирару — в распределительный центр службы доставки еды «Бегемот-Экспресс».

Метрополитен имени Ленина встретил нас духотой и толпой. Для существа, привыкшего перемещаться посредством левитации вдоль линий акаши, спуск под землю в железном червяке казался добровольным погребением заживо.

Эскалатор полз вниз, в подсознание мегаполиса. Люди вокруг стояли неподвижно, глядя остекленевшими глазами в черные зеркала своих смартфонов. Никто не смотрел по сторонам. Это было странно. Я сканировал их ауры на автомате — профессиональная привычка Князя Интуиции. Сплошное серое марево усталости, разбавленное вспышками раздражения и редкими искрами похоти.

— Не дыши глубоко, — посоветовал Зирар, стоящий ступенькой ниже. От него пахло озоном и готовностью к драке. — Тут концентрация чужого пота превышает допустимые нормы ГОСТа. Если вдохнешь слишком сильно, начнешь чувствовать боль всех этих людей сразу. Свихнешься.

— Уже, — прошептал я.

Мое восприятие обострилось до предела. Я чувствовал каждую неровность резинового поручня эскалатора под своими пальцами. Чувствовал микровибрации металла. Но страшнее всего было другое. Я слышал мысли. Без фильтрации, без защитного кокона эфира.

«Опять отчет Кулебякину сдавать... ненавижу...»

«Господи, туфли жмут, кровь к ногам не поступает, кажется, придется ампутировать пальцы...»

«Интересно, если я сейчас толкну этого мужика на рельсы, камеры успеют записать?»

«Только бы ребенок не проснулся, няня берет дорого...»

Информационный шум обрушился на меня водопадом. Моя тонкая душевная организация, настроенная на музыку сфер, скрипела и трещала по швам. Я пошатнулся.

— Эй, синий, тебе плохо? — грубый голос вырвал меня из транса.

Передо мной стоял мужчина в оранжевой жилетке дорожника. Лицо у него было красным, как свекла, а изо рта пахло перегаром такой плотности, что им можно было заправлять зажигалки.

— Простите? — вежливо отозвался я, активируя протокол максимальной любезности.

— Чего бледный такой? Перепил вчера? — мужик дыхнул на меня новой порцией паров. — Или ширнулся? Глаза вон какие... инопланетные.

Интуиция взывала пожарной сиреной. Конфликт. Опасность. Социальная дезадаптация. Нужно было отвечать согласно земному этикету.

— У меня аллергия на общественный транспорт, — честно признался я. — И на ваш перегар.

Мужик опешил. Его мозг, работающий на пониженных оборотах, пытался обработать информацию. Аллергия на перегар? Это как? Тем временем эскалатор достиг низа, и толпа понесла нас вперед, к турникетам.

Турникеты оказались еще одним издевательством высших сил над низшими. Эти красные створки клацали зубами, требуя желтый пластиковый прямоугольник.

— Куда совать? — шепотом спросил Зирар, пряча свой проездной билет в кулаке так, словно это граната с выдернутой чекой. — В зубы этой железной собаке?

— Картой к кругу, — процедил я, наблюдая за тем, как впереди идущая девушка изящно махнула пластиком перед считывателем.

Зирар вытянул руку. Турникет мигнул зеленым и распахнулся. Демон шагнул вперед, задрав подбородок, полный демонстративного превосходства. Но его длинный жи-

стый хвост, которым он обычно выражал эмоции, замешкался. Створки турникета сомкнулись ровно на кисточке.

Раздался жалобный визг, похожий на звук рвущейся ткани.

— Стоять, исчадие! — рявкнул металлический женский голос из динамика над турникетом. — Проход аннулирован! Оплатите багаж!

Зирар дернулся. Турникет не пускал. Демон уперся лапами в пол, напряг мышцы спины, которые буграми вздулись под пиджаком, и рванул. Послышался треск. Кисточка хвоста осталась торчать в красных челюстях механизма, слегка подергиваясь. Сам Зирар вылетел на платформу, врезавшись спиной в колонну.

— Свободен! — победно крикнул он, прижимая культю хвоста к себе. — Эта машина знает свое место! Альф, иди сюда, проход открыт!

Я подошел к следующему турникету. Моя очередь. Я приложил карту. Красный свет сменился зеленым. Я шагнул. Створки мягко сошлись за моей спиной. Ни одна конечность не пострадала. Иногда быть князем — полезно даже в метро.

Платформа станции «Выхино» в час пик — это отдельный круг ада, которого Данте испугался бы описывать. Плотность человеческой массы здесь превышала плотность белого карлика. Нас с Зираром внесли в вагон силой инерции, как два бревна в лесосплаве. Двери зашипели и попытались закрыться, зажав чей-то рюкзак. Рюкзак возмущенно библикнул автомобильным сигналом.

Меня прижали лицом к стеклу двери. Прямо вплотную. Я мог рассмотреть каждую пору на лице стоящей рядом женщины. Она спала стоя, привалившись ко мне. Ее тушь размазалась, образовав вокруг глаз темные круги, похожие на следы от копыт. От нее пахло кофе, валерьянкой и отчаянием.

И вдруг случилось нечто странное. Мой дар интуиции, который раньше работал как точный прибор, дал сбой. Вместо того чтобы считать ее страхи, я почувствовал ее. Всю целиком. Усталость матери-одиночки, радость от купленного по скидке платья, надежду на отпуск в Анапе, раздражение от того, что кто-то (то есть я) дышит ей в щеку.

Она открыла глаза. Серые, тусклые, как ноябрьское небо.

— Простите, — пробормотала она, не узнавая моего лица из-за близости. — Задремала.

— Ничего страшного, — ответил я, чувствуя, как пересохло в горле. Впервые в жизни мне не хватило слов. Все мои высокопарные эпитеты о глубине восприятия разбивались о реальность этой сонной, помятой, бесконечно прекрасной смертной женщины.

Поезд качнуло. Меня бросило на нее сильнее. Моя рука, сжатая в кармане в кулак, инстинктивно выставилась вперед, чтобы смягчить удар, и коснулась ее бедра.

Обычное касание. Миллиметры кожи к коже.

Взрыв.

Это не было похоже на божественное откровение. Это было похоже на короткое замыкание. По моим нервам прошел разряд в десять тысяч вольт. Я увидел всю ее жизнь за одну секунду: первый поцелуй в подъезде, вкус соленых слез, страх перед кабинетом гинеколога, счастье от первых шагов ребенка. Вся эта информация, весь этот океан чужой биографии влился в меня через точку соприкосновения наших тел.

Я отшатнулся, едва не потеряв равновесие. Женщина удивленно моргнула, поправила юбку и снова отвернулась к двери, полностью забыв обо мне. А я остался стоять, хватая ртом воздух, липкий от сотен чужих парфюмов. Мое сердце, которое анатомически должно было появиться только спустя неделю адаптации органов, внезапно заработало. Оно билось в ребра, как птица в клетке. Громко. Быстро. Пугающе живо.

— Альфар, ты выглядишь так, будто тебя только что лишили девственности ржавой трубой, — раздался над ухом голос Зирара. Демону удалось занять уголок возле стоп-крана, и теперь он возвышался над толпой, охраняя целостность своего оставшегося хвоста. — Станция наша? Текстильщики? Выходить пора, а ты прилип к народу.

— Я прикоснулся к ней, — сиплю сказал я.

— К кому? К тетке с баулом? — Зирар принялся. — Фу, от нее чесноком несет. Обязательно мыть руки антисептиком. Земные болезни страшнее небесной кары.

— Нет. К другой. К той, что спит. Я прочитал ее. Всем собой. Это больно, Зир. И сладко. И страшно. Я чувствую, как распадаюсь на атомы.

Демон внимательно посмотрел на меня. Его желтые вертикальные зрачки расширились, анализируя мое состояние.

— Поздравляю, — наконец произнес он с какой-то мрачной торжественностью. — Твой нимб окончательно коротнуло. Ты становишься человеком, князь. Тебе нравится?

Поезд въезжал в туннель. Свет в вагоне погас, погрузив нас в темноту, освещаемую лишь мертвенным мерцанием рекламных экранов. В этом полумраке лица пассажиров казались масками древних богов, уставших от вечности.

Мне не было страшно. Впервые за миллиарды лет скука, моя вечная спутница, испарилась. Ей на смену пришел первобытный, иррациональный ужас перед неизвестностью и восторг предвкушения.

— Да, — прошептал я в темноте. — Нравится. Очень.

Станция «Текстильщики» встретила нас потоком свежего (по сравнению с вагоном) воздуха и требованием покинуть пределы метрополитена. Мы выбрались на улицу. Впереди виднелось приземистое здание склада, куда направлялся Зирар, и стеклянная башня офиса, ждущая меня.

Ритуал перехода из подземелья на поверхность повторялся дважды в день. И каждый раз я буду проходить через эту мясорубку чувств. Через эти касания, запахи и чужие судьбы.

Ради двух свиданий, которые изменят мироздание. Ради девушки-продавщицы, которая скоро узнает, что живет с лунным ангелом. И ради того чувства, когда человеческое сердце начинает биться быстрее от простого прикосновения в переполненном вагоне поезда, несущегося сквозь тьму навстречу очередному бессмысленному рабочему дню.

Глава 3. Работа как испытание

В Царствии Небесном нет понятия «понедельник». Там есть состояние вечного сейчас, прерываемое лишь ежегодными отчетами перед Престолом о количестве спасенных душ. В Москве понедельник — это физическое явление, обладающее массой, плотностью и запахом растворимого кофе с нотками экзистенциальной тоски.

Мой первый рабочий день в компании «ТрансЛогист-Север-Юг» начался ровно в девять часов утра по земному времени. Я стоял у дверей офиса на шестнадцатом этаже бизнес-центра, сжимая в руке ламинированный пропуск. На фотографии я выглядел так, будто меня только что откачали после клинической смерти: синева под глазами не сходила уже третий день адаптации, а тональный крем Зирара лег пятнами, делая мое лицо похожим на карту военных действий.

— Опаздываешь, Альберт Азерович, — прохрипел Станислав Игоревич, возникая из-за угла со стаканчиком остывшего американо. От начальника пахло бессонницей, дешевым одеколоном «Шипр-люкс» и тем специфическим отчаянием, которое возникает у людей, осознавших, что ипотека съедает девяносто процентов их сущности. — Зайди ко мне. У нас тут аврал. Сервер упал.

Я молча кивнул. Моя интуиция, обычно работающая как швейцарские часы, предательски молчала. Она была оглушена гулом вентиляции, миганием люминесцентных ламп и вибрацией пола от проезжающих внизу электричек метро. Земная реальность давила на мои астральные тела сильнее, чем гравитация Юпитера.

Рабочее место встретило меня видом глухой стены цвета детской неожиданности. Стол был завален папками с надписью «Исходящие (2014–2017)». Монитор компьютера гудел, как рассерженный шмель. Клавиатура при нажатии издавала звук, напоминающий хруст чипсов.

— Это твой сектор ответственности, — махнул рукой Станислав Игоревич, указывая на стеллаж. — Клиенты категории «Гамма». Те, кому мы везем грузы настолько медленно, что они успевают забыть, что вообще что-то заказывали. Твоя задача: отвечать на звонки, говорить, что машина будет завтра, и переводить гнев в конструктивное русло. Конструктивное русло — это когда они кладут трубку до того, как пообещают тебя найти и закопать.

Он ушел, оставив меня один на один с монитором. Я сел в кресло. Оно жалобно пискнуло и просело. Мой позвоночник, привыкший к левитации и отсутствию веса, заныла от соприкосновения с дешевой китайской пластмассой.

Телефон зазвонил через тридцать секунд. Черная трубка дрожала, словно в эпилептическом припадке.

— Отдел логистики, слушаю, — произнес я максимально ровным голосом, пытаясь вспомнить интонации архангела Гавриила во время Благовещения.

— Ты кто такой? — рыкнули на том конце провода. Голос принадлежал человеку, чей желчный пузырь давно объявил войну печени. — Где мой линолеум?! Мне обещали его в среду! Сегодня суббота! Мои рабочие сидят без дела, жрут водку на мои деньги!

— Доброе утро, — вежливо ответил я. — Меня зовут Альберт. Позвольте заверить вас, что ценность вашего линолеума для мироздания ничуть не меньше, чем орбиты Сатурна. Мы делаем всё возможное...

— Что ты несешь, наркоман?! — взревел голос. — Какой Сатурн?! Линолеум где?!

Я положил трубку. В горле пересохло. В мире духов конфликт решался наложением печати умиротворения или испепелением оппонента взглядом. Здесь же... здесь требовалось лгать. Искусно, витиевато и абсолютно бессмысленно.

Следующие четыре часа превратились в пытку. Телефон звонил непрерывно. Я узнал, что я «сукин сын», «дегенерат», «щенок» и «выродок бюрократии». Каждый звонок вбивал гвоздь в мою ангельскую сущность. Люди кричали о своих деньгах, о сорванных сроках ремонта, о женах, которые выгоняют их из дома из-за отсутствия плитки в ванной. Их боль была материальной, горячей и липкой. Раньше я бы просто погладил их по голове лучом лунного света. Сейчас я должен был говорить: «Ваш запрос зарегистрирован под номером четыреста двенадцать, ожидайте обратной связи».

К обеду я начал понимать странную земную магию. Чтобы выжить в офисе, нужно отключить душу. Совсем. Стать функцией. Станислав Игоревич сидел в своем кабинете, играл в пасьянс «Косынка» и пил коньяк из фляжки, замаскированной под термос. Он не чувствовал боли клиентов. Для него они были строчками в таблице Excel.

Я попытался сделать так же. Закрыв глаза, представил, что телефон — это просто кусок пластика. Очередной звонок.

— Да.

— Груз двести сорок три килограмма, доставка в Подольск, — сухой женский голос.

— Ожидайте. Машина в пути.

Я нажал отбой, даже не записав данные. Впервые за день я почувствовал нечто похожее на облегчение. А затем — стыд. Глубокий, вязкий, фиолетовый, как мой содалит. Стыд Князя Меланхолии, который променял эмпатию на выживание.

Тем временем в другом районе Москвы, среди рядов паллет с гречкой и тушенкой, страдал Зирар.

Его униформа курьера службы доставки «Бегемот-Экспресс» состояла из ярко-зеленой куртки размера XL, которая трещала на широких плечах демона, и кепки, натянутой на рога. Рога пришлось обмотать эластичным бинтом, чтобы влезть в капюшон, отчего голова Зирара постоянно чесалась, а кожа под шерстью прела.

— Так, адрес: улица Строителей, дом пять, подъезд два, этаж семь, квартира сто сорок восемь, — бубнил планшет в руках старшего смены, человека с лицом высохшей воблы. — Заказ: пять бутылок водки «Царь-батюшка», три блока сигарет и доширак говяжий. Оплата наличкой. Время исполнения — двадцать минут. Время пошло.

Зирар схватил тяжелый пакет. Его когтистые лапы плохо приспособлены для переноски полиэтиленовых мешков. Пакет угрожающе затрещал.

— Почему смертные носят еду в этих сопливых мешках? — прошипел демон. — Почему нельзя телепортировать продукты прямо в желудок?

— Потому что касса не пробьет, идиот, — отрезала «вобла». — Иди давай. Третий раз опоздаешь — штраф.

Земная логистика поражала своей нелогичностью. Зачем идти пешком, если можно пронестись сквозь тени? Зачем ждать лифт, если можно просочиться сквозь перекрытия? Но договор запрещал использование истинной силы. Только ноги, только общественный транспорт, только хардкор.

Первый клиент жил в сталинской высотке. Консьерж, бывший сотрудник органов безопасности, смерил Зирара взглядом, задержавшись на подозрительно оттопыривающейся куртке (там прятались сложенные крылья).

— Куда? — буркнул он.

— Доставка, — осклабился Зирар, показывая клыки чуть больше дозволенного этикетом.

Консьерж побледнел, перекрестился и нажал кнопку открытия турникета. Демоническая улыбка оказалась эффективнее любого пропуска.

Подъезд пах кошками и хлоркой. Лифт поднимался медленно, дергаясь на каждом этаже. Зирар смотрел на свое отражение в зеркале кабины. Зеленая куртка превращала его фигуру в бесформенный зеленый куб. Из-под ворота торчал край антрацитово́й шерсти.

«Смертные слепы, — думал он. — Они видят форму, но не суть. Если я скажу этой бабушке, открывающей дверь, что я исчадие ада, она решит, что я продаю пылесосы Кирби, и предложит чаю».

Дверь открыла сухонькая старушка в халате с маками.

— Водочку привезли, касатик? — пропищала она, протягивая сморщенную ладошку. — Ох, ножки совсем не ходят, спасибо службе вашей.

— Не за что, мать, — неожиданно для самого себя басом ответил Зирар. — Живите долго.

Старушка всмотрелась в его лицо, скрытое козырьком кепки.

— Хороший ты парень, — сказала она. — Глаза только больные. Выпей там за мое здоровье.

Она сунула ему в карман куртки мятую сотню сверх оплаты.

Зирар вышел из подъезда в полной прострации. Сотня жгла кожу сквозь ткань. Никто никогда в Преисподней не давал ему чаевых. Напротив, всегда пытались забрать лишнее. Этот жест абсолютной, иррациональной доброты сбил настройки его процессора зла.

Второй заказ оказался сложнее. Дорогой жилой комплекс с охраной.

— Вы к кому? — лениво спросил охранник, играя ключами от машины.

— Доставка еды, — Зирар помахал планшетом.

— Курьеры с заднего входа заходят, — бросил охранник, даже не повернув головы.

— Послушайте, уважаемый, — Зирар шагнул вперед, намеренно выходя из тени. Полуденное солнце блеснуло на его идеально белых клыках. — Я несу людям радость в виде алкоголя. Радость не должна входить с черного хода, это оскорбляет эстетику бытия. Либо вы открываете мне эту красивую стеклянную дверь, либо я объясню вашим детям, почему Дед Мороз пахнет серой.

Охранник поднял глаза. Замер. Медленно, очень медленно потянулся к тревожной кнопке под столом.

— Ты... ты кто? — прошептал он.

— Я курьер высшей категории, — терпеливо объяснил Зирар. — У меня срочность. Плюс десять процентов к тарифу за моральный ущерб.

Интуиция подсказала демону сменить тактику. Он перестал давить харизмой бездны. Вместо этого он сгорбился, втянул голову в плечи и захныкал:

— Начальство лютует. Штрафы. План горит. Жена ушла. Зуб болит. Пустите Христа ради, замерз ведь стоять.

Лицо охранника смягчилось. Узнаваемая картина человеческого страдания расслабила его мышцы лучше любой магии.

— Проходи, — буркнул он. — Только быстро. И зубы лечи.

Вечером мы встретились дома. Наша съемная квартира пропиталась запахами неудач. На кухне сохли останки очередной попытки сварить пельмени (они превратились в цемент), а в комнате Зирар пытался пришить обратно кисточку хвоста суровыми нитками. Процесс шел туго: игла ломалась о чешуйчатую кожу.

— Как прошел твой день в храме офисного планктона? — поинтересовался демон, перекусывая нить зубами.

— Я возненавидел человечество, — честно признался я, стягивая галстук-удавку. Узел не поддавался. — Станислав Игоревич пьет коньяк в десять утра. Коллеги обсуждают сериал про ментов. Женщина напротив ест лапшу быстрого приготовления и плачет над ней. Я чувствую вкус глутамата натрия в ее слезах. Это невыносимо.

— Добро пожаловать в реальный мир, принц Датский, — фыркнул Зирар. — А у меня прорыв. Я понял принцип работы человеческой жалости. Если смотришь волком — тебе дают денег. Если смотришь грустной собакой — пускают в парадную. Кстати, держи.

Он кинул мне ту самую мятую сотню от бабушки.

— Чаевые, — пояснил он. — За доставку души.

— Они платят нам за сочувствие? — я повертел бумажку в руках. На ощупь она была неприятной, скользкой. — Это же абсурд. В Высших сферах благодарность измеряется чистотой вибрации.

— А здесь она измеряется способностью купить шаурму у вокзала, — парировал Зирар. — Альфар,ними ты этот хомут с шеи. У тебя лицо такое, будто ты лично распял Иисуса и теперь об этом жалеешь.

Я проигнорировал совет и рухнул на диван. Пружины впились в спину.

— Знаешь, что самое страшное? — тихо сказал я в потолок. — Я сегодня солгал. Мужчине, у которого жена рожала в больнице, а он ждал плитку для детской. Он плакал в трубку. А я сказал ему: «Заявка принята в обработку, ожидайте». И повесил трубку. Я не ускорил машину. Я ничего не сделал. Я просто... выключил его.

Зирар замер с иглой в руке. Шерсть на его загривке встала дыбом.

— Ты нарушил протокол, князь, — серьезно сказал он. — Протокол менеджера среднего звена велит класть трубку сразу после слов «ожидайте». Иначе система сломается. Если каждый менеджер начнет ускорять плитки для беременных, экономика рухнет. Ты действовал правильно. По инструкции.

— Но не по совести, — выдохнул я. — Моя глубина восприятия работает против меня. Я слишком хорошо понимаю, почему они кричат. Я вижу корни их злобы. Она растет из страха. Страх остаться никем. Страх умереть в долгах.

Демон отложил нитки. Подошел ко мне и тяжело опустился на пол, скрестив лапы. Хвост без кисточки выглядел жалко и голо.

— Слушай сюда, ваше высочество, — проговорил он, глядя снизу вверх своими желтыми глазищами. — Ты хотел быть человеком? Получи. Человек — это компромисс между «хочу» и «надо». Ты хочешь спасти всех. Тебе надо заплатить за квартиру. Если ты начнешь лечить каждого встречного от экзистенциального ужаса, у тебя лопнет мозг. Или тебя уволят. А без зарплаты мы не купим доширак. А без доширака мы сдохнем от голода, потому что твоя светлая задница не умеет пользоваться плитой.

Я посмотрел на него. На этого мелкого пакостника, покрытого сажей и городской пылью. В нем было больше земной мудрости, чем во всем моем отделе распределения интуитивных прозрений.

— Эльза вчера спросила, почему я ем гречку без соли, — сменил тему Зирар. — Сказала, что соль — это белая смерть. Я чуть не ляпнул, что настоящая белая смерть — это квартальный отчет НДС. Еле сдержался. Она религиозна, Альф. Она смотрит на меня так, будто ждет, что я предложу ей продать душу. А я вместо этого предложил ей разделить счет в кафе пополам. Она назвала меня джентльменом. Джентльменом! Я, повелитель семи кругов паники, джентльмен!

Он истерически расхохотался. Смех демона звучал как скрежет металла, но в нем слышалось облегчение.

— А моя Роза... — начал я и осекся. Имя девушки отозвалось теплом в груди. Там, где раньше была пустота космоса, теперь пульсировало что-то горячее. — Она пыталась научить меня смеяться. Над шуткой про ежика и психотерапевта. Я анализировал структуру юмора. Разбирал семантический ряд. Она смотрела на меня минуту, а потом сказала: «Альберт, ты какой-то бракованный».

— Бракованный товар подлежит возврату, — философски заметил Зирар. — Но Розка не такая. Ей нравятся странные. Она сама странная. Работает продавщицей элитного бухла, читает Ницше и верит, что миром правят коты.

— Она атеистка, — добавил я. — Когда я случайно задел крылом люстру в магазине и разбил бутылку коллекционного вина, она не стала вызывать полицию. Она сказала, что духи вина освободились и пошли гулять. И заставила меня допивать лужу с пола, чтобы «не нарушать карму магазина».

Мы помолчали. За окном сигналили машины. Сосед сверху снова включил дрель, явно пытаясь проложить путь к центру Земли.

— Двойное свидание завтра, — напомнил я. — Раиса Викторовна придет посмотреть на них.

— Старая ведьма обещала принести настойку на мухоморах, — поморщился Зирар. — Говорит, для расширения сознания. Надеюсь, сознание расширится вместе с печенью, а не вылетит в трубу. Как думаешь, Эльза поймет, если я материализую ей маленького импу-помощника для мытья посуды?

— Нет. Она вызовет экзорциста. Экзорцисты нынче дорогие, платить будем мы. Просто будь милым. Скрывай копыта. Не ешь сырое мясо при ней.

— Легко сказать, — вздохнул демон. — После смены курьером хочется сожрать кого-нибудь целиком. Эти клиенты... «А почему пицца холодная?», «А где сдача две копейки?». Иногда я думаю, что Ад — это курорт по сравнению с вечерней доставкой в Чертаново.

Я наконец справился с галстуком и швырнул его в угол. Узел развязался сам собой от моего тяжелого взгляда.

— Завтра важный день, — сказал я. — Третья встреча. Критическая масса близости. Девушки дружат, мы им нравимся. Еще немного, и они влюбятся окончательно. Тогда начнется настоящее веселье. Любовь делает смертных невероятно наблюдательными. Они начнут замечать наши... особенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.